

ВЕСЕРНЬЯ МОДУСА
1 GEN 1947



Гастроли Художественного театра Латвийской ССР в Москве. Слева — сцена из комедии В. Шекспира «Много шума из ничего»: артистка А. Абеле в роли Геро и артист К. Набрик в роли Клавдио; справа — сцена из пьесы В. Ланна «Победа»; на переднем плане: артистка М. Клетник в роли Наджи и артист Э. Зиле в роли Аугуста Гризе.
Фото В. ВЛОВЕНКО.

СПЕКТАКЛИ ЛАТВИЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

В РАЗНООБРАЗНОМ репертуаре Латвийского Художественного театра особое место занимает спектакль «Егор Булычев» М. Горького. Глубокое идейное содержание драматургии Горького заключено в своеобразную художественную форму, которую подчас очень трудно выразить на сцене национального театра. Но сила идей, страстность темперамента, глубина психологических характеристик горьковских пьес таковы, что им открыт путь на любую сцену мирового театра.

Нашел свой путь к Горькому и Латвийский Художественный театр, впервые обратившись к его пьесе «Егор Булычев». Эта встреча обогатила искусство театра свежими красками, углубила в психологическом плане игру его актеров и позволила создать целую галерею интересных сценических образов.

Работая над этой постановкой, театр понял самое важное, — что в основе пьесы Горького заключены идейная борьба, острая, упорная, непримиримая. Два лагеря в доме Булычева ведут борьбу, не брезгуя никакими средствами, не стесняясь ни своего лицемерия, ни грубого лозозма. На этом фоне одинокой фигурой стоит Егор Булычев, человек, познавший силу чистоты, чуждый денежного мешка, умевший бороться с жизнью, но затем павший, всю тишину человеческих усилий в достижении счастья, когда это счастье основывается на несчастье других, на подлости, обмане, воровстве.

Весь спектакль пронизан каким-то чувством беспокойства и тревоги.

Мечется Булычев, суетится вокруг него Достигаева, Звонцовы, Башкин, Меланья, Акинья, страдают Глафира и Шура. Все в смятении, все в беспокоействе. Душно, как перед грозой. Этот тревожный, напряженный ритм жизни булычевского дома прекрасно ощущает и выражает театр. Его актеры как бы проникли в идейную ткань пьесы, ощутили ее страстность и гневность, почувствовали тратящим положением Булычева и мелочной жесткостью его людского окружения. В результате получился спектакль, близкий по духу и страстности горьковской пьесе.

Его отличают высокая режиссерская культура (постановка Эдуарда Смылягиса), прекрасная работа художника (Г. Вилкс), цельность и ровность актерского исполнения.

Среди исполнителей на первом плане Артур Филиппсон — Егор Булычев, Лилита Берзинь — Александра, Э. Зиле — Звонцов, Эвальд Вальтер — трубака, Альма Абеле — Варвара, Ирма Лайва — Глафира.

Понятно, роль Булычева — решающая в определяющая идея спектакля. И на актера, исполняющего эту роль, ложится особая ответственность. Все внимание А. Филиппсона обращено не столько на внешнюю характеристику образа Булычева, сколько на развитие его внутреннего мира, на передачу тех мыслей, чувств и страстей, которые обуревают этого сложного и противоречивого человека. Артист понял огромное беспокойство Булычева, его нетерпение, жадность к жизни, тоску и злость. Правда, А. Филиппсон не

сколько увлекается изображением физический страданий героя, больного смертельным недугом, и эти несколько заслоняют идейное содержание образа. Но в целом его Булычев показан как сильный, целеустремленный человек, всей своей страстью меняющийся к лучшему, с которыми он прошел свой жизненный путь.

Но подточены силы Булычева, и рождается в нем звериная жадность к жизни. Не хочется ему умирать. Все это прекрасно понимает и выражает своей игрой А. Филиппсон.

С большим драматизмом играет роль Александры Лилита Берзинь. В этой актрисе все поражает — и тонкость ее артистических средств, и глубокое понимание человеческой психологии, и подлинное умение найти главное, существенное в образе, и внутреннее благородство тона, необыкновенная пластичность, разнообразие интонаций, способность оправдать любую мизансцену, жест, движение. Это актриса большого внутреннего обаяния, темперамента и такта.

В роли Шури она создает выразительный, метующийся, беспокойный человеческий характер, которому так неуютно и тревожно в этом большом доме, где все ей враждебно и чуждо. В своей Шурике Лилита Берзинь отбрасывает крупный, недоумный ум девушки, еще не знающей, что такое жизнь, но уже готовой вступить в жизненную борьбу. Как в отце ее, Шурика не любит чужеродной ханжи Варвары, глупой Ксении, суетливого Павла, наглого Звонцова. Шурика, которую рисует Л. Берзинь, близка к Булычеву в облике, в духе, в своей жадности к жизни. Играет Берзинь с большой сдержанностью, смирностью, тактичностью: особенно ей удаются заключительные сценические сцены.

Выразительную фигуру трусливого и наглого красавца, мечтающего о политической карьере и больших деньгах, создает Э. Зиле в роли Звонцова. Столь же ярко играет Павла Л. Шинт, Варвару — Альма Абеле. Ксению — Л. Жангул. Совершенно законченное художественное произведение представляет собой игра Эвальда Вальтера (трубака). С огромным гелконом на сцену вкатываются на маленьких ножках, как на шарнирах, смешной и жалкий человечка.

— Ты кем себя считаешь — дураком или жуликом? — спрашивает его Булычев. И навскидку — прямой ответ трубака, просящего прежде всего денег, а затем добавляющего, что «обманывать не стыдно, если верят, поражают Булычева. Он в восторге, ведь так не скажет и поп Павла. Игра Э. Вальтера во всех своих оттенках и положениях — мастерская.

Зловещей фигурой предстает Василий Достигаев (Л. Стабау). Хорошо запоминаются выразительные образы Пропетера (А. Лейман) и Таксия (В. Крузе).

Весь спектакль отмечен цельностью режиссерского замысла и актерского исполнения.

Пьесу В. Шекспира «Много шума из ничего» театр оставал в третий раз. Если первые две постановки в той или иной степени были отмечены печатью формалистских исканий, то новый спектакль в значительной степени по духу и исполнению стремится раскрыть идейное и эмоциональное богатство шекспировской комедии.

В этой комедии все время разливается золотом и серебром яркая, праздничная тема, утверждающая, что жизнь прекрасна, ярка, увлекательна. Правда, кое в чем слышатся тревожные нотки, но они возникают в бес-

следно исчезают, и все остается лучезарным и радостным. Эту шекспировскую музыку театр хорошо почувствовал и сумел выразить как в общем ритме спектакля, развивающемся то в бурно-карнавальном, то в чисто комедийном, то в нежно-лирическом плане, так и в игре основных исполнителей. На первом плане надо отметить превосходную игру Лилиты Берзинь — Беатриче. Ее Беатриче умеет смеяться ясным, искрившимся смехом, ей свойственны острый ум, тонкая ирония, глубина чувств. Ее игра свободна или легка, и кажется, что актриса не играет, а импровизирует.

Свободно и изящно, мы сказали бы даже слишком изящно, играет роль Бенедикта талантливый Э. Зиле. Но все-таки в этом образе хотелось бы видеть больше мужественности, упрямства и наивности. Но в том плане, как ведет эту роль Зиле, чувствуются подлинное мастерство, зрелость актера, умные весты диалог, ощущение формы.

Благородством и грациозностью отмечена игра А. Абеле в роли Геро. Замечательно удаются две чисто комедийные роли — Клоуны и Ксения — артистам Шинту и Михельсону.

Превосходны костюмы художника Гирта Вилкса.

Иное впечатление оставляет спектакль «За тех, кто в море!» Из всех спектаклей гастрольного репертуара это, пожалуй, наименее удавшийся.

В чем здесь дело? Не станем упрекать театр в том, что он небрежно прочитал пьесу. Наши замечания идут не столько по линии идейной интерпретации произведения, сколько в отношении стиля игры большинства актеров. Театр правильно понял содержание пьесы, как столкновение личных и общественных интересов.

Он увидел, что правда на стороне коллектива, и вина Боровского в том, что он противопоставил свое понимание жизни, славы и чести офицера пониманию коллектива, его этическим нормам. Все это верно. И не в этом наш спор с театром. Он возникает тогда, когда мы переходим к рассмотрению, как воплощены образы советских офицеров на сцене. Начнем хотя бы с роли Максимова в исполнении Р. Крейцмана. Его Максимов какой-то сухой, чертвый, риторичный человек, вряд ли умеющий кого-либо любить. Харитонову в исполнении А. Филиппсона, при некоторых верно подмеченных чертах, все-таки нехватает внутренней мягкости, отеческой ласковости, заботливости. У Альмы Абеле (Шибумина) какая-то изломанность жестов, уточненность движений не передает простоты и благородства русской женщины. Излишне опущена роль инженера Клобукова Г. Вазимо, несколько сух и официален Лишев в исполнении Стабау.

И только образы Боровского, Гореловой, отчасти Рекало находят живые и правдивые черты. Э. Зиле верно оттеняет смелость и гордость Боровского, увлеченность своими ошибочными взглядами, непоколебимую самоуверенность, приводящую его к столь роковым посылкам. Но в этом Боровском мы чувствуем больше злорадства и увлечения, чем беззащитной испорченности и душевной непереносимости. Такой Боровский найдет еще путь к исправлению и сумеет с помощью коллектива вернуться в офицерскую семью. С большими тактом и сдержанностью чувства играет роль Гореловой Ирма Лайва. Отдельные неудачи театра не могут, конечно, затмить его бесспорные успехи. Перед нами серьезный, ищущий, неуспокоившийся театр, имеющий настоящее и еще более славное будущее.